

The background of the entire page is a repeating geometric pattern of interlocking diamonds or squares, rendered in a dark purple color against a lighter purple background. The pattern consists of multiple parallel lines forming a grid of smaller diamonds.

Анатолий Тепляков

**Под знаком
водолея**

Анатолий Тепляков
Под знаком водолея

«Издательские решения»

Тепляков А. Н.

Под знаком водолея / А. Н. Тепляков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931142-9

Произведение моё сугубо автобиографическое. Главный герой в нём — это Ваш покорный слуга. И все персонажи в нём не вымышленные. Они жили на этой земле, а некоторые и по сей день в добром здравии. А чтобы не утомлять читателя долгим чтением, я, по возможности, старался быть кратким. Как мне это удалось — судить Вам. Вам же и делать выводы из прочитанного произведения.

ISBN 978-5-44-931142-9

© Тепляков А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Посвящается молодёжи	6
От автора	7
Зойка – Антигона	8
1	9
2	14
3	16
4	19
5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Под знаком водолея

Анатолий Николаевич Тепляков

© Анатолий Николаевич Тепляков, 2018

ISBN 978-5-4493-1142-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается молодёжи XXI века. Автор

**Мы, как и вы, мечтали и дерзали,
Любили, верили, старались всё постичь,
Советами отцов пренебрегали,
Боялись их ошибки повторить.**

**Но молодость минула. Как ни странно,
Я скакуна на клячу променял.
И понял вдруг, что в жизни постоянно
Родителей ошибки совершал.**

**Вы, наши дети, вы теперь дерзайте,
Но не гоните шибко скакуна.
Там, впереди, вас ждёт, не забывайте,
Всё та же кляча, только лишь ОНА.**

*...И как нашёл я друга в поколении,
Читателя найду в потомстве я.*

Е. Баратынский

От автора

Настоящая книга была задумана давно. Материал для неё накапливался не один год, но только недавно я решил взяться за его обработку и реализовать хотя бы часть задуманного. Остальные же рукописи ещё находятся в черновиках и ждут своей очереди.

Все последующие мои книги тоже выйдут под таким же названием: «Под знаком Водолея».

«А причём здесь знак Водолея?» – подумает недоумённо читатель.

– А притом, что автор этого скромного произведения родился под этим знаком, который наложил на всю его жизнь свой отпечаток. Плох этот знак или хорош? Судить не берусь. Ведь знаки судьбы так же, как и родителей, не выбирают, мы принимаем их такими, какими они даны нам Богом.

Произведение моё сугубо автобиографическое. Главный герой в нём – это Ваш покорный слуга. И все персонажи в нём не вымышленные. Они жили на этой земле, а некоторые и по сей день в добром здравии.

А чтобы не утомлять читателя долгим чтением, я, по возможности, старался быть кратким. Как мне это удалось – судить Вам. Вам же и делать выводы из прочитанного произведения.

Заранее знаю, что не всем понравится содержание моих повестей, особенно второй. Но я никому не старался угождать. Я просто описывал то, что происходило вокруг меня. Обещаю и в дальнейшем оставаться таким же объективным в оценке прошлого, настоящего и будущего. Да поможет мне в этом Господь Бог.

Анатолий Тепляков.

Зойка – Антигона

Повесть

1

К вечеру разыгрался беспутный псих-ветер. Было слышно, как за окном скрипел, как расстроенная скрипка под неумелым смычком, со стоном старый клён. Вдруг громко распахнулась форточка и хлёстко ударилась о косяк окна. К счастью, не рассыпалось вдребезги стекло.

«Забыл закрыть на шпингалет!» – с досадой подумал я. Придётся вставать с кровати и закрывать форточку. А я так уютно устроился с потрёпанным томиком Ивана Бунина. Старая панцирная сетка растянулась, и кровать моя превратилась в подобие гамака. Жаль только, что не раскачивалась из стороны в сторону. А то бы я вообще ощущал себя американским миллионером, отдыхающим на каких-нибудь Гавайских островах.

Соскочив со своей кровати-гамака, я прошёл к окну и захлопнул форточку. Не хотел поддаваться заржавелый шпингалет, но я, наконец, уговорил и его. Постоял немного у окна, глубокомысленным философом наблюдая, как плотную мглу пробивает тусклыми лучами горбатый уличный фонарь. Лишь редкие машины, проезжающие по вечерней улице, бросали в окно снопики яркого света. Старый клён, одурев от одиночества и холода, пытался постучаться в окно, протягивая кривые, изуродованные старостью ветви. Наверняка, он хотел пожаловаться мне на свою старость и многочисленные болезни. Но я был молод и, наверное, не понял бы его. Холодным выдался нынче март. И всё-таки я и старый клён обязательно дождёмся весны.

«Что же я стою, как истукан?» – упрекнул сам себя. И верно. С трудом достал «Тёмные аллеи» Бунина, завтра мне возвращать книгу, а я... Я застрял на Антигоне, во второй раз перечитывая рассказ. Он возбуждал во мне юношеские фантазии, я мечтал встретиться со своей Антигоной. И... Думать о том, что мы будем делать с моей Антигоной, было одновременно и стыдно, и приятно.

В небольшой, пахнущей старостью комнате было тихо. Эту тишину нарушали лишь тонкие завывания мартовского ветра за окном да гудения автомобильных моторов. Заснули соседи по коммунальной квартире, угомонилась за стеной бабуля-хозяйка. Я отошёл от окна вглубь комнаты, поближе к тишине. Лёг на скрипнувшую подо мной кровать и этим скрипом вспугнул мышь, метнувшуюся в угол, из которого чёрным глазом смотрела мышиная нора. Мне нечем было запустить в неё, и я потянулся за книгой. Но прежде чем открыть её, взглянул на настенные ходики. Скоро полночь. Где же черти носят Мишку?

Я и абзаца не успел прочитать, как раздался осторожный стук в окно. Мишка. Больше некому. Наверное, чертям надоело его носить, вот он и явился. Я на цыпочках, как медвежатник в банке, отправился открывать товарищу по совместному проживанию.

У Мишки улыбка – шесть на девять. Светится, будто его помазали фосфором. Весь стограет от нетерпения что-то рассказать мне и с трудом удерживает во рту язык. Топает, как гиппопотам, по коридору за мной, не особо заботясь, что разбудит соседей и хозяйку. Иногда его наглость и бесцеремонность поражают. Раздражение соседей Мишкиным поведением порой отражается и на мне. Поди, разберись, кто из нас двоих бросил грязную тарелку на столе коммунальной кухни, не выключил свет в туалете? Или вот так протопал ночью по коридору, разбудив всех соседей. А ведь весом я тяжелее Мишки буду. С таким в разведку за «языком» пойти – пропасть. Но не я выбирал себе сожителя-квартиранта, а бабуля. Придётся терпеть. И даже дружить. Иначе как жить вместе двум парням, только-только оторвавшимся от своих семей? Впрочем, имелись у Мишки и некоторые положительные качества. Насколько он был нагл и бесцеремонен, настолько добродушен и не обидчив.

Дверь за собой Мишка прихлопнул, словно кабину в общественном туалете. Благо, что бабуля глуховата. Но один-два соседа точно недовольно повернулись с бока на бок.

– Сегодня я с такой девочкой познакомился! – Мишка прищёлкнул языком от удовольствия. Можно было подумать, что он только что выиграл олимпийский спринт. – Верить, не? Всё при ней!

Я верил ему. Девчата, особенно те, кто поглупее, липнут к Мишке. Он довольно высокого роста, стройный, бойкий и по-женски смазливый. Я во многом ему уступал. Поэтому всегда завидовал его внешним данным. Может быть, из-за этого ещё с первых дней знакомства между нами возникла какая-то неприязнь. Хотя вряд ли Мишка, как лёгкая яхта, бегущая по морским волнам жизни, мог кого-то серьёзно любить или же ненавидеть. В отличие от меня.

– Молодец! – равнодушно похвалил я его. Только потому, что надо было что-то сказать в ответ. – Ты разулся? Я вчера пол вымыл!

Мишка, будто новобранец в армии, застигнутый резким окриком старшины, замер посреди комнаты. И здесь же, посреди комнаты, освободился от обуви. Зашвырнул грязные ботинки в угол, к мышинной норе.

– Извини, Толя! Я в курсе, что моя очередь убирать. Но такую девочку встретил! Конфетка с ликёром, а не девочка!

Каждый раз, когда Мишка забывал о своей очереди убирать комнату, он находил уважительную причину. После этого обижаться на него было просто неприлично.

Шустрый взгляд Мишки шарил по комнате – что-то искал. Ага! Кастрюля на столе. Он был похож на голодного пса, вернувшегося с собачьей свадьбы. Будто с колодок сорвался, подскочил к кастрюле, схватил крышку. Та вырвалась из его рук и хлопнула об пол, словно тарелка в духовом оркестре, с оптимистическим звоном.

– Миша! Бабулю разбудишь!

– Эта кочерга старая глуха, как тетёрка! Её и отбойным молотком не разбудишь! – Мишка с разочарованием рассматривал девственное дно кастрюли. Будто от его завораживающего взгляда там могла появиться еда. – Пожрать не мог оставить? Друг называется!

– А что там осталось с обеда? Детская порция?! – рассердился я.

– Да ладно, не кипятись! – примирительно сказал мой сожитель. – Придётся на голодный желудок ложиться. Хотя бы корочка хлеба у тебя не осталась?

– Нет, – буркнул я. Но вдруг пожалел бестолкового кобелька. Достал свою сумку и среди маек, рубашек и трусов отыскал полпачки печенья. – Хотя... На вот, жуй!

– Спасибо, Толя! Ты настоящий друг!

Мишка упал на свою нерасправленную кровать и с аппетитом захрустел печеньем.

– Из спасибо шубу не сошьёшь и в стакан не нальёшь. У твоей очередной девушки подруги нет?

– Хрен её маму знает! Скоро выясним этот вопрос. Хватит тебе над книгами, Анатолий, слепнуть! Ничего толкового в них не вычитаешь! Жизнь – вот настоящая книга. В ней надо успеть ухватить фортуны за хвост! Кто её ухватит, тот и на коне! У того и девочки, и рестораны, и все девяносто девять удовольствий!

– А ты хочешь с первого раза все удовольствия получить?

– С первого, не с первого, а долго канителиться с бабьём я не намерен!

– И новую свою сразу уломал?

– Зойку? Ну, нет! С ней я только в подъезде целовался. Но зато завтра... – Мишка вытряхнул себе в рот последние крошки печенья, скомкал пустую пачку и зашвырнул под кровать. – Завтра я приглашён на званый ужин. Зойка с мамашей – тётёй Дашей знакомить будет.

– Так сразу? – удивился я.

– А чего кота за хвост тянуть? Куй железо пока горячо!

– Как пить дать, сам напросился! Наглости у тебя не занимать!

– Не без этого. Не привык я канители разводить, пускать слюни целый месяц. Слушай! – Мишка вдруг оживился, перевернулся на кровати на живот. – Пойдём завтра со мной!

– Ты что, того?.. – я выразительно покрутил пальцем у виска. – Я твоей Зои в глаза не видел. С какой стати я пойду с тобой?! За бесплатное приложение?!

– Да хоть наедемся чего вкусенького на халяву! К тому же, я заметил, что старушки тебя обожают.

Старухи меня любили, это верно. Но от этого моему самолюбию не легче. Я предпочел бы, чтобы меня обожала Мишкина Зоя, а не старухи.

– Неудобно как-то... – засомневался я.

– Неудобно на потолке спать и штаны через голову надевать. Имею я право к будущей теще с лучшим своим другом прийти?! Тёщ с первого дня надо воспитывать! – с видом умудрённого жизнью мужика поучал Мишка.

– Ладно, – сказал я. – Только бутылку ты берёшь. Тебя же сватать идём!

– Какой там сватать!.. Типун тебе на язык! – Мишка суеверно перекрестился слева направо. Не ляпни хоть там. С тебя станется! Ну, давай отбой, что ли? Свет выключай!

– Нет уж, пан-барон! Выключатель к твоей кровати ближе!

– Ну и молодёжь пошла! – мой сожитель был на полгода старше меня и иногда этим кичился. Однако, вздыхая, пошлёпал к выключателю.

Через минуту с его кровати донёлся сочный храп. Беззаботный Мишка засыпал быстро. А я ещё долго ворочался в постели. Не давала мне покоя бунинская Антигона, которая, занимаясь любовью с юным героем, смотрела на меня из-за его плеча. И бесстыже, зазывно подмигивала.

В углу комнаты долго возилась с какой-то коркой мышь. Под это шуршание, под монотонный стук маятника часов наконец-то уснул и я.

...Снилось мне, не приведи Господи, что! Беззубые, горбатые старухи со слезящимися глазами. И все, как одна, с жуткими крючковатыми носами и острыми, выдающимися вперёд подбородками. Сколько бабок-ягушек суеилось вокруг меня – я и сосчитать не мог. Я лежал в огромном не-опрятном корыте, а старухи намыливали меня, окатывали водой, зачерпывая её ковшиком из корыта. И ехидно, противно хихикали. Но особенно досаждала одна: самая старая и самая уродливая. Она норовила ухватиться за предмет моей мужской гордости и лезла целоваться тонкими слюнявыми губами. Из беззубого рта тошнотворно воняло нечистотами. Любвеобильная старая уродина была одета в короткое цветастое платье, из-под которого бесстыдно выглядывали дряблые ляжки. Я пытался подальше отодвинуться от неё, но старуха уже почти оседлала меня.

– Ты хотел женщину? Я самая красивая и самая страстная женщина! Я твоя Антигона! Ну, обними, обними меня! Ну, поцелуй меня, соколик!

И на моё лицо из декольте пёстрого платья вырвались невообразимо морщинистые, дряблые груди старухи – холодные и скользкие, словно две жабы. Я вскрикнул от ужаса и проснулся в холодном поту с вырывающимся из груди сердцем.

Через дешёвые ситцевые занавески пробивалось солнце, ещё не весеннее, скуповатое на тепло. Я посмотрел на соседнюю кровать: спит ли Мишка? Будто боялся, что он, как телепат, мог узнать о моём гротесково-уродливом сновидении. Вот хохотал бы!

Мой сожитель дрых без задних ног. Хотя одна из них высунулась из-под одеяла. Худая, костлявая нога, с неопрятными ногтями. Такой, наверное, должна быть она у Бабы Яги – та, что не костяная.

Из-за кошмарного сна настроение у меня было отвратительное и не хотелось вылезать из-под одеяла. Неплохо, если бы какая-нибудь Маринка или Зойка подали в постель завтрак на подносе. И здорово, хотя б на день превратиться в Манилова или Обломова, забыть обо всех делах и обязанностях перед обществом и перед своим будущим.

Но я не наследник мультимиллионера, и хлеб насущный никто не подаст мне на блюдечке с голубой каёмочкой. И отбросив одеяло в сторону, я резко вскочил с кровати.

В умывальнике вода была холодной, и умывание взбодрило меня. Жизнь уже не казалась унылой и однообразной. Я был до неприличия молод, и впереди меня ждали великие дела. Вот только бы позавтракать!

Я приоткрыл дверь в кухню. Наша бабуля Францевна уже проснулась и кашеварила. На примусе стояла кастрюля. Примус гудел, как самолет при взлёте. Чтобы поздороваться с ней, я подошёл поближе.

– Доброе утро, бабуля! – прокричал ей на самое ухо.

– Здравствуй, коль не шутишь! – ответила она, поморщившись. – Чего орёшь-то?! Гуляку нашего разбудишь!

– Бабуля, ты слышала, как Мишка вернулся? – удивился я.

– А чего мне не слышать? Сплю я чутко.

«А как же её глуховатость? Неужели всё это время притворялась?» – холодея от дурных предчувствий, подумал я. И с подозрением взглянул на неё.

– Не настолько я глуха, как вы с Мишкой решили! – Францевна не зло усмехнулась. – Может, я и старая кочерга, но не тетёрка!

Ба! Да она же слышала весь наш разговор! И не только вчерашний. А мы ведь иногда такую ахинею несли! Я чувствовал, что густо, как девушка при первом поцелуе, покраснел от пяток до кончиков волос на голове. Вот это мы с Мишкой вляпались!

– Не переживай, Толя! Ваше дело молодое – языки чесать. Не такое слышала и видывала. И ничего – восемьдесят пять лет живу.

Восемьдесят пять? Быть такого не может! Я-то думал, что Францевне не больше семидесяти. Скоро год, как я живу у бабули, а по сути ничего о ней не знаю. Если она родилась в восьмидесятом прошлого века, то сколько всего успела увидеть за свою жизнь! Сколько революций, сколько войн! Настоящая ходячая реликвия!

– Небось, уже есть хочешь? – спросила она. И не дожидаясь моего ответа, обнадёжила. – Сейчас я тебя таким деликатесом угощу – язык проглотишь!

Францевна любила меня больше Мишки. Того она хитрым хохлом называла. Может быть, его невоспитанность и наглость за хитрость принимала? А может, все эти неприятные качества были в наличии в характере Мишки? Я замечал, что за обедом лучший кусок обязательно мне доставался. И Мишка, наверное, это тоже замечал, но до поры до времени помалкивал.

Я сел на табурет у стола дожидаться бабушкиного деликатеса. Тем более что времени до начала занятий в училище была уйма – целых два часа.

– Бабуля, а чего у тебя фамилия Патронова, а отчество Францевна? – спросил я просто, чтобы не молчать.

– А потому, Толя, что отец у меня немец был, по фамилии Гольбах. Инженером работал здесь в Гомеле. А по матери я белоруска. За Патронова же я замуж вышла. Мы с матерью после смерти отца в деревне жили. Однажды приехали к нам по каким-то казённым делам солдаты. И среди них – красавец фельдфебель. Недолго за мной ухаживал – уговорил замуж. Я ведь тоже не дурнушкой была в молодости. Хлопцы деревенские проходу не давали. Но разве сравнишь любого из них с фельдфебелем?!

– Вышли за него замуж?

– А куда деваться? Любовь! Только в наши времена она отличной от вашей любви была. Мишка вон – сегодня поцеловался, а завтра уж в постель девку тащит. Я же после свадьбы месяц мужа не подпускала. Боялась, умирала от стыда и страха. Какая же я деревенщина тёмная в молодости была! – Францевна поперхнулась от смеха. – Вместе со своим приданым и новые лапти прихватила из деревни. Патронов, как увидел их в Гомеле, три дня смеялся. Жили мы с ним хорошо – в любви и согласии. Я ему двух сыночек родила. Но пришёл конец моей счастливой жизни. Грянула революция, потом гражданская, будь она неладна. Тогда-то и погиб мой Патронов. А после гражданской войны страшная разруха, голод и бесчинство

красных комиссаров. Престарелую княгиню Паскевич расстреливать не стали, а выгнали ради потехи на улицу из её родового гнезда. Даже под лестницей не разрешили остаться. Ходила она с клюкой по городу и всем рассказывала, какая жизнь их ожидает при большевиках. Некоторые гнали её от себя, называли буржуйкой. А ведь так именно всё и произошло, как она говорила.

– А за кого воевал ваш муж, за красных или же белых?

– Он офицером царской армии был, верный присяге. Он за Россию воевал. Но не будем об этом. Дело давнее. Хотя своего Патронова до сих пор люблю. И замуж больше не выходила.

– А во время войны вы где были?

– В оккупации, здесь, в Гомеле. Немцы меня не обижали. Муттер звали. Да что они мне? Сыновья-то воевали против них. – Бабуля вдруг спохватилась, засуетилась. – Что это я разболталась, старая?! Завтрак ведь давно готов!

Через минуту она поставила на стол объёмную миску с большими кусками чего-то жёлтого, колышущегося, как густой студень. Вид завтрака Францевны не внушал доверия. И запах был отвратительный.

– Что это? – испуганно, почти шёпотом спросил я.

– Коровье вымя.

– Чьё вымя? – не понял я.

– Коровье вымя, не моё же! – повторила, рассмеявшись, бабуля.

– И его едят?

– Это же деликатес, дурачок!

От такого деликатеса меня могло вырвать. Но, во-первых, я не хотел обидеть Францевну, во-вторых, от голода желудок подводило.

«Ничего страшного! Китайцы лягушек едят – и здоровы!» – успокаивал я себя.

Жевать деликатесное угощение Францевны без отвращения было невозможно. И я схитрил. Резал вымя мелкими кусочками и, не пережёвывая, глотал их. Бабуля с восхищением смотрела на меня, будто я был факиром и глотал шпаги.

– Я же говорила – деликатес! Пойду нашего гуляку подниму!

Несчастный Мишка! Он ещё не знает, какое испытание ждёт его!

2

В сопровождении весеннего солнца я поднимался по Советской улице. Вдоль тротуара от решётки к решётке бежали мутные, от мазута светящиеся перламутром ручьи. Они совсем не походили и на мартовские ручьи дома, в Василевичах. Там весеннему паводку вольготнее, чем в большом городе. В Гомеле ручьи со всех сторон зажаты асфальтом и бесследно пропадают, просачиваясь в решётки.

Мое босоное детство! Когда оно пролететь успело?! Ещё вчера, казалось, бегал за ручьём, а сегодня вот вышагиваю важно по грязному тротуару постигать медицинские науки в училище. Хотя какие сегодня науки?! Голова совсем другим набита. Заманчивое предложение вчера сделал Мишка, а сегодня подтвердил его. Мы идём вечером в гости к его даме сердца. Вот именно – к его. А чего я распетушился, чего пёрышки чищу? Я ведь пойду всего лишь за бесплатное приложение, вроде как Санчо Пансо. И всё же какое-то щемящее, мягко щекочущее под ложечкой предчувствие не покидало меня. В душе я ждал этого вечера, как бы на что-то надеясь.

Очень нудными сегодня выдались занятия в училище! Будто сонные мухи, сновали по аудитории преподаватели, объясняя темы тягуче, неторопливо; сонными ленивцами слушали их студенты. Или это для меня так нудно тянулся день – всё это от моего восприятия окружающего мира? Я что-то пробовал писать в конспектах, но то и дело отвлекался, покидая на время эту брентную землю и серую реальную действительность с сумеречной аудиторией, назидательными преподавателями, шелестящей и шепчущей тишиной. В какие небесные выси возносили меня мои невинные грёзы? О чём мне мечталось весной 1965 года?

О том, о чём мечтает молодость. Конечно же, о любви.

Эх, если бы не Мишку ждала сегодня в гости неведомая Зойка, а меня! Уж я-то смог бы подарить ей нежности и страсти гораздо больше, чем избалованный женским вниманием лове-лас Мишка.

Ну вот, опять начал накручивать себя. Выше нос, Анатолий Тепляков! Впереди у тебя целая жизнь. И наверняка, будет в ней место и твоей Антигоне. Может быть, и не одной.

Наконец, последний звонок. Я даже вздрогнул от неожиданности. Город поглотил меня, растворил среди подобных мне человечков, и я забыл о своих комплексах. А вечером... Вечером я пойду любоваться чужим счастьем.

В комнате квартирантов – так называют наше жилище Францевна – царил беспорядок. Ну, конечно! Разве может быть иначе, когда Мишка собирался на свидание?! Он обладал поразительной способностью оставлять за собой «бардак». Стоит ему прикоснуться к чему-либо в комнате, на кухне, в коридоре – и всё перевёрнуто вверх тормашками. Настоящий изначальный хаос! На кровати валяются брюки и сорочка, грязные носки разбросаны, как специально: один на стуле, другой у его ножки. На столе – закопченная, невымытая кастрюля, огрызки хлеба и шелуха семечек. Начнёшь сожителю выговаривать – что с гуся вода. Уберётся по верхкам – и не приставай.

Но сам-то Мишка вышагивает по комнате гоголем-щёголем: не то артист, не то жених под венец. Костюмчик отутюжен, белая рубашка сияет, как первый снег на солнце, галстук повязан по последней моде, туфли начищены до блеска зеркала. За своей внешностью и костюмом Мишка ухаживает с болезненной ответственностью. И в то же время, если бы в моде у девчат была небрежность и неопрятность, он превзошел бы в этом беспризорника.

– Жрать бабкино пойло ты не будешь? – задал вопрос Мишка, и сам же ответил на него. – Правильно. Советую оставить сто процентов объёма желудка для деликатесов моей будущей тётки!

Есть хотелось так сильно, что кишка с кишкой перестукивались, а желудок готов грызть спинные позвонки. Но Мишка, пожалуй, прав. Иногда стряпня Францевны годилась разве что для голодного пса. Съесть её обед, а потом идти на званый ужин, значит тронуться умом или совершить зверское преступление против своего молодого организма. Проглотив слюну, я без особого сожаления отвернулся от кастрюли.

– Пошли, что ли, мой верный и закадычный друг! Вас ждут великие дела, граф Тепляков! – Мишка натянул на себя свой щегольской болоньевый плащ с регланами на спине.

– Однако, вы хват, герцог Антипенко! Сам нарядился, как новогодняя ёлка, а мне и рубашку сменить не даёшь! – возмутился я. – Или ты тащишь меня в гости, чтобы выгодно оттенить свою неотразимую личность?

– Да ладно!.. – как от приставшего комара, отмахнулся Мишка. – Завёлся, как Францевна на своего внука-алкаша. Переодевайся, я подожду.

Меньше всего я хотел быть в роли бесплатного приложения к бесподобному красавцу Мишке. Поэтому и не ударил в грязь лицом. Через пять минут со мной могла идти без стеснения под руку любая местная красавица!

– Годишься! – высокомерно оценил мой внешний вид Мишка. – В таком виде ты предстанешь перед моей будущей тещей сущим ангелочком.

Выходя из комнаты, я вдруг вспомнил свой странный сон: крючконосая, горбатая старуха лезет ко мне целоваться. Слюнявые губы, из-за которых выглядывают кривые и гнилые зубы. Я суеверно, с отвращением поежился. Типун тебе на язык, Мишка Антипенко! Я не горю желанием понравиться твоей будущей теще!

Стоял ранний, млеющий в весенней неге вечер. На улицах Гомеля уже зажглись фонари. От этого город сделался уютнее и теплее, центральные улицы были оживлены многолюдьем. Уставший после трудового дня народ решал каждодневные проблемы, закупая перед закрытием гастрономов продукты и спиртное. В такой час в троллейбусе была давка, и я боялся, как бы ни испортили мой единственный выходной костюм. Но на нужной нам остановке мы с Мишей вышли со всеми пуговицами, а о стрелки на брюках могли порезаться мухи. На наше счастье они в конце марта ещё находились в зимней спячке.

3

Герцог Антипенко дал знать дамам о своём прибытии тремя длинными звонками. С его точки зрения, это было очень интеллигентно. Он мог звонить беспрерывно, до упора утопив кнопку звонка, пока перед ним не распахнутся двери. Мишка почему-то находился в заблуждении, что везде и всегда двери перед ним должны быть распахнуты настезь.

Нам открыла не Зоя. И не Баба Яга из моего кошмарного сновидения. Нам открыла дверь миловидная женщина лет сорока пяти с добрыми карими глазами. И глаза, и припухлые губы её сразу улыбнулись – по-матерински тепло.

– Заинька! К нам гости! – и пропустила нас вперёд.

Заинька не вспорхнула бабочкой с дивана на шею возлюбленному, сдувая пыль с его щегольского костюма. Она – в цветастом крепдешиновом платье, круглолицая и кареглазая, почти абсолютная копия мамочки – тихонько сидела на диване, зажав свои ладошки коленями. Эта поза была воплощением скромности и стыдливости. От этой картины веяло благословенным средневековым, когда нравы и поступки людей были наивнее, чище и естественнее. А как ещё следовало вести себя юному созданию в подобной ситуации? Наверное, впервые в жизни пришёл знакомиться с её матерью возлюбленный. Пока мать суетилась в прихожей, освобождая гостей от плащей, кепок и туфель, Зоя искоса, будто украдкой подсматривала за нами. Случайно перехватив взгляд Зои, я усомнился в её непогрешимости, скромности и покорности. Нет-нет, а подмигивали из её зрачков бесшабашные бесенята. Будто смотрела из-за плеча любившего её юноши Антигона с любово-страстным взглядом. Я мысленно отругал себя за это сравнение. Как я могу безапелляционно судить о девушке по одному только взгляду?! Может быть, она человек лёгкого, весёлого нрава!

– Тетя Паша! – представилась мать Зои. – Вы, молодёжь, не скучайте! А я на кухню...

Признаться, я ожидал, что в зале уже будет накрыт стол с приборами, графинами, стаканами и салфетками. Ну, конечно же, этот бесцеремонный Антипенко притащился в гости раньше времени.

Едва за тетей Пашей закрылась кухонная дверь, как Мишка в два шага оказался у дивана. Он сел рядом с Зоей, взглянул на её лицо: оно оживилось и засветилось радостью. Миша уверенно, как опытный ловелас, взял её руку и уложил на свою ладонь. А Зоя из-за этого смотрела на него такими благодарными глазами, будто возлюбленный преподнёс огромный букет роз.

Олухи царя небесного! Шли в гости к дамам, а даже паршивого букетика мимоз не захватили! Ну, я-то за компанию, пристыженным, а у Мишки где совесть, спрашивается? Вряд ли она докучала ему слишком часто.

Мой сожитель был весь в роли Казановы: что-то такое нашёптывал на ушко Зое, отчего та чуть не таяла Снегурочкой, прыгнувшей через костёр. И скромно потупив очи долу, жадно слушала его, будто он был величайшим умом эпохи, и щёчки в ямочках мило зарделись. Умел мой дружок обихаживать девчат – этого у него не отнимешь.

А я, позабытый всеми гость, чувствовал себя неловко: переминался с ноги на ногу посреди зала. Миша по жизни был Хрюшей, а Зоя, умирающая от обожания возлюбленного, будто бы и не видела меня – даже представиться мне забыла. Наконец-то я догадался сесть на стул у стола. Чтобы не казаться истуканом, бесстрастно наблюдающим за чужими чувствами, я взял в руки журнал «Огонёк», лежавший на столе. Листал его равнодушно, не видя иллюстраций, не говоря уже о тексте. На душе было пакостно, и я ругал себя последними словами за то, что поплёлся с сожителем в гости. Нужен я здесь, как пятое колесо телеге. Так и просидел не в своей тарелке минут пять.

Из кухни выглянула тётя Паша, покрасневшая у плиты. Румянец был ей к лицу. Она стала выглядеть ещё моложе и привлекательней. Я был рад, что сон мой не оказался пророческим.

– Ребята, у меня всё готово! Пошли к столу!

Пока мы рассаживались, хозяйка шустро подавала закуски.

– Вы уж извините, что на кухне принимаю, но нас не так уж много – разместимся! – говорила она на ходу.

– В тесноте – не в обиде! – вставил я, наконец, своё веское слово. А Мишка выставил на стол бутылку водки.

– Хозяйка, а рюмки где? – тоном бывалого, съевшего не один пуд соли мужика спросил он.

– А это обязательно? – сказала тётя Паша. Но рюмки на стол поставила. Всё это время Зоя даже не оторвала свою круглую попку от табуретки, чтобы помочь матери. Хотя кто его знает: может так заведено в их семействе?

– Мы же не для пьянки, тётя Паша, а для соблюдения русского обычая! – Антипенко ловко сорвал пробку с бутылки и налил всем по полной рюмке. – Заинька! А тебе не много? – строго спросила хозяйка.

– Мама, сколько мне лет?! – Зоя стрельнула в неё укоряющим взглядом.

Я бы тоже хотел знать – сколько? Восемнадцать? Девятнадцать?

Но мать Зои не ответила на этот вопрос, а поднявши рюмку, произнесла простенький тост:

– Ну, давайте, гости! За вас молодых! Чтобы и любовь у вас была, и здоровье, и деньги! И чтобы никогда на земле не было войны!

Чокнувшись со всеми, тётя Паша выпила свою рюмку и отставила её в сторону.

– Мне больше не наливайте, – сказала она, – у меня от водки голова болит.

Зойка пила скромно – по третьей части. Почему-то скромничал и я. Зато Антипенко разошёлся не на шутку. Он наливал себе по полной рюмке, залихватски выпивал и нёс всякую ахинею, от которой даже меня тошнило.

Зоя – несмышлёная дурочка – смотрела на Мишку восхищёнными глазами и слушала его байки с открытым ртом. А вот тётя Паша, искоса посматривая на моего друга, время от времени недовольно морщилась: видимо, не нравились ей разбитные, хвастливые парни. Однако ко мне, воплощавшему скромность во плоти, относилась тепло, по-матерински, то и дело предлагая съесть ещё одну котлетку или попробовать салатика.

Ещё дома мы с Мишей распределили роли: он вешает лапшу на уши дочери, а я отвлекаю разговорами мамашу. Но я никак не мог решиться на откровенный разговор с хозяйкой – просто не находил хорошей заправки для него. И волей-неволей подставлял Антипенко. Наконец я решился на вопрос хозяйке – любой, лишь бы завязать с ней разговор.

– А вы давно в Гомеле живёте?

– После войны переехали, – ответила она. – Сама я из Речицы.

– Надо же! Земляки! А я из Василевич.

Эта была веская причина для сближения. Тётя Паша живо интересовалась моей короткой биографией: расспрашивала о родителях, учёбе, о том, есть ли у меня девушка.

– Не обзавёлся пока! – ответил я. – Учёба много времени отнимает.

Мой ответ понравился тёте Паше.

«Какой положительный мальчик!» – наверняка подумала она. И предложила:

– Ты очень мало кушаешь, Толя! Вот ещё – съешь котлетку!

– Спасибо большое! Я сыт!

Я действительно был сыт – наелся до отвала, как давно уже не трапезничал. Да пора было и честь знать. Миша уже дважды придавливал мне ногу под столом, всем видом показывая, не засиделся ли я слишком долго? Пообедал и домой. Нечего здесь третьему делать.

– Ты уже уходишь? – перешла она на «ты», посчитав, что познакомились мы достаточно близко.

Ах, если бы такой вопрос задала Зоя, а не тётя Паша! Разве я ответил бы на него утвердительно?

– Извините, но мне необходимо идти. Надо основательно подготовиться к завтрашним занятиям.

Тётя Паша провела меня до самой двери, помогла одеться.

– До свидания, Толя! Приходи в гости, когда только тебе вздумается! Наша дверь для тебя всегда открыта!

Как же я явлюсь без уважительной причины? Да и что мне делать в этой квартире – молодому и неженатому? Лясы с занятой, пожилой женщиной точить? Да и приглашение её, мне кажется, из разряда обычной вежливости. Пожелай я каждый день являться к ним на ужин, и от её доброжелательности и следа не останется.

Я вышел на свежий воздух. Вечерний Гомель был наполнен привычной суетой. Сновали троллейбусы, автобусы и редкие в этот час легковушки. Не спеша прогуливалась по улицам молодёжь – парочками и небольшими компаниями. Было тихо и безоблачно. Даже свет уличных фонарей не мешал любоваться звёздами. Я вспомнил своего брата Лёшу. Это он научил меня любить ночное небо. Там, в Василевичах, мы смотрели на него через самодельный телескоп. Он показывал мне двойные звёзды, кольцо Сатурна, спутники Юпитера. Я слушал брата и в душе гордился его эрудицией.

4

Пришёл апрель. Весна окончательно оформила свою прописку в Гомеле. Проснулись, налились животворящим соком почки на деревьях. В густых зарослях по берегам Сожа затренькали свадебные песни птахи. А я будто и не замечал всего этого. Занятия в училище и запойное чтение книг – таковым было мое времяпровождение в эти пахнущие весной апрельские дни.

Иногда я разнообразил свой досуг короткими беседами с Францевной да раз в неделю походами в кино. Единственное выдающееся событие за прошедшие две недели: я стал законным обладателем «Тёмных аллей» Бунина – уговорил-таки своего однокурсника продать эту книгу за пять рублей. До стипендии еще жить и жить. Придётся потуже затянуть пояс. Зато теперь «Антигону» и другие замечательные рассказы я смогу перечитывать, когда мне заблагорассудится.

Я почти уже не вспоминал о нашем мартовском походе к Мишкиной возлюбленной. Я отнёс этот ужин к разряду случайных встреч, которых в моей жизни ещё будет превеликое множество. Недолго посещал гостеприимную квартиру и Антипенко. Пока я вёл монашеский образ жизни, он завёл еще одну даму сердца. Но та жила в студенческом общежитии, поэтому ещё один ужин на халяву мне не светил.

Как-то за трапезой я спросил у Мишки: почему он порвал отношения с Зоей? Спешащий на свидание сожитель, давясь макаронами, отмахнулся.

– Да ну их – эту Зойку и её мамашу! Захомутировать вольного стрелка задумали! В моём возрасте женятся только одни дураки!

Мне было немного жаль наивную и доверчивую Зойку, но, сняв с этажерки интересную книгу «Три товарища» Ремарка, я уже через минуту забыл о ней. И не вспоминал до сегодняшнего дня.

Сегодня испортилась погода. После обеда из брюхатых туч, зависших над городом, хлынул дождь. Да такой силы, что за полчаса превратил улицы города в бурно текущие реки. В такой ливень хозяин собаку на улицу не выгонит. Не выгнал себя на свидание и Мишка. Сначала лежал на кровати, скучал и поплёвывал в потолок. Время от времени докучал мне дурацкими вопросами, вроде: «Ты любишь пельмени?», «А правда, что электрическую лампочку изобрёл Ленин?»

Я дочитывал Ремарка в абсолютно плохом настроении. Я привык к тихим вечерам, благостному единению с книгой. И совершенно не понимал, как можно так бездарно транжирить время, бездеятельно валяться на кровати?

И когда Антипенко допёк меня очередным вопросом, я предложил:

– Лучше что-нибудь почитал бы, Миша! Дать хорошую книгу?

– Ты шутишь, что ли, Анатоль?! Я буду портить зрение и тратить время на всякий вздор! Неужели ты, в самом деле, веришь в выдумки этих писак? – Он сладко потянулся на кровати. – Жизнь в её конкретном живом виде – вот что может быть интересно! В ней случаются такие сюжеты, что твоему Бунину и Ремарку не снились.

Ну что с ним, оболтусом, говорить?! Если для человека чтение хуже неволи, разве его заставишь? У меня на самом деле от чтения устали глаза, и я подошёл к окну. Удивительно, как я не заметил, что дождь кончился? Ведь шумел-то! Стучался по крыше, по окну, как молящийся о помощи прохожий в панике барабанит в дверь. А теперь за окном темно и тихо.

– Дождь кончился. Совсем! – сообщил я новость Мишке.

Тот в ответ лишь равнодушно зевнул.

– Что кончился – хорошо. Что поздно кончился – плохо. На свидание уже не пойдешь. Ну и ладно! Хоть выплещусь по-человечески. Гаси свет, Анатоль.

Мне не хотелось спать. Так рано я никогда не ложился. Но я не хозяин комнаты и должен считаться с желаниями сожителя. Хотя сам Антипенко мало когда считался с моим мнением – мог явиться со свидания в два часа ночи, врубить свет, без стеснения разбудить, чтобы поделиться радостью по поводу очередной победы на фронте любви.

Я выключил свет и на ощупь добрался до кровати. Мишка говорит, что лежа на ней, я едва не достаю до пола. А мне нравится. Это гораздо лучше, чем его жёсткий матрас. Я не успел натянуть на нос одеяло, как раздался стук в дверь. Никто не мог явиться ко мне только потому, что не было у меня девушки, а близкими друзьями обзавестись не успел. И если это не Францевна, то пришли гости к Мишке. Пусть он и открывает.

Но Антипенко уже храпел. Как же мгновенно он засыпает!

Стук – тихий, осторожный – повторился.

– Миша! Проснись! – крикнул я.

– Что? – недовольно спросил Антипенко.

– Стучат...

– Ну и что? Открой!

– Но это, скорее всего, к тебе.

– «Скорее всего», «скорее всего», – раздражённо бурчал он. – На кой чёрт мне кто сегодня нужен! Даже королева Великобритании!

– Так она же старая! – подтрунил я.

– Молчи уж, умник! Кто там? – Мишка выставил ухо в сторону двери. За дверью молчали. – Хороши себе шуточки на ночь глядя!

Он открыл дверь и скрылся в коридоре. Я слышал лишь приглушенные голоса: Мишкин и женский. Женский голос был жалким, умоляющим. Мишкин же сердитым и почти лающим. Неужели явилась в десять вечера его новая любовь, а Антипенко выйти на улицу, проводить её ленится? Так и есть! Через три минуты, со злостью хлопнув дверью, Миша вернулся в комнату.

Гостя не ушла. Слышно было, как кто-то всхлипывает в коридоре. Антипенко же завалился опять в кровать.

– Кто там плачет? – не выдержал я. – Ну и толстокожий же ты слон!

– А что? Ты прикажешь мне нянчиться с этой дурой Зойкой?

– Не мог поговорить с ней по-человечески, расставить все точки над «и»?

– А я как говорил?! – разозлился Антипенко. – И так и сяк уговаривал топтать домой, пока ещё детское время. А она пургу погнала: люблю, в Сож брошусь! Тьфу! Истеричка!

– Надо же что-то делать... У девушки нервный срыв.

– Девушкой она была в детском саду! Если тебе её жалко – иди, успокой, вытри слёзки!

Мишка укутался в одеяло, как в непробиваемый панцирь, отвернулся к стене. Услышав, что я поднялся и одеваюсь, буркнул:

– Свет не забудь выключить, уходя, великий гуманист!

Подошёл бы к нему, врезал по его заносчивой роже! Да разве поможет? Только устроим драку, из-за которой Францевна сгонит обоих с квартиры.

Я вышел в коридор, освещённый тускло горевшей под потолком и засиженной мухами электрической лампочкой. Панели в нём были окрашены в тёмно-зелёный ядовитый цвет. На их фоне особенно жалко смотрелась ссутулившаяся девичья фигурка в насквозь промокшем лёгком белом плаще. Словно надломленная, склонённая долу берёзка, Зоя прислонилась к стене и тихо, но безнадежно плакала. Видно было, что горе её неподдельное. Но ещё более жалким было унижение.

– Зоя, успокойся! – сказал я, положив руку на девичье вздрагивающее плечо.

Она взглянула на меня отчаянно-печальными карими глазами. Они были полны слёз, как кувшинки утренней росой. По лицу была размазана ярко-красная помада. Я вытащил из кармана носовой платок, вытер, как обиженной младшей сестрёнке, её щеки.

– Толя! Он негодяй! – узнала она меня. И вдруг бросилась ко мне – вся озябшая и жалкая, обхватив мою шею руками. Уткнувшись мне в грудь носом, она зарыдала ещё отчаяннее. Я опасался, как бы ни услышали соседи и Францевна.

– Ну, перестань! – я успокаивал её, глядя по мокрым волосам дрожащей рукой. – Ты такая красивая, такая добрая! Он не достоин твоей любви!

– Не достоин! – всхлипывая, согласилась Зоя, не переставая плакать, размазывая слёзы вперемешку с помадой по щекам.

– Ты найдёшь себе другого парня – лучше, добрее. Он будет любить тебя и дорожить твоей любовью! – как мог, утешал я её. Я сам был готов разрыдаться вместе с этим беззащитным существом.

Наконец, Зоя немного успокоилась. Я помог ей привести себя в порядок. И по-дружески обнял за плечи. Она обиженным ребёнком прижалась ко мне.

– Давай, я провожу тебя домой. Хорошо?

Она в знак согласия лишь кивнула головой.

Мы вышли на улицу. Вечерний Гомель, умытый весенним ливнем, был опрятен и наряден в свете неоновых фонарей. Мокрый асфальт сверкал, переливался перламутром. Было удивительно свежо, а воздух чист и невесом, словно в деревне. Ветер, безжалостно разорвавший в клочья дождевые тучи, успокоился.

Мы с Зоей молча шли по обезлюдевшему тротуару Советской улицы. Я обнимал её худенькие плечи, и во мне боролись два противоположных чувства. Одно – жалость. Она переполняла мое сердце, и я готов был дать отпор любому, кто посмел бы посягнуть на покой этой хрупкой девушки. Но под своей рукой я ощущал тепло молодого женского тела, которое можно ласкать, целовать и которое, наверняка, способно дарить сказочные наслаждения. И ещё я чувствовал трепетное тело Антигоны, о которой мечтал последнее время.

И я нелिцеприятными словами корил себя за постыдные желания – у человека горе, а я думаю о такой мерзости.

Чувствовала ли Зоя, как взволнованно дрожит моя рука на её плече? В таких вещах женщины лучше и тоньше мужчин разбираются. И взрослеют девушки раньше парней. Зоя шла рядом – тихая и молчаливая, и от этого ещё более таинственная. Я понимал, что надо что-то говорить – что-то вежливо-нейтральное, и не мог произнести ни слова. А ей, полчаса назад пережившей сердечную трагедию, наверняка было не до разговоров.

Вот и поворот на проспект Ленина. Днём здесь очень шумно от машин и пешеходов, а теперь довольно тихо и малоллюдно. Сразу же за поворотом – Зойкин дом. В её квартире на третьем этаже, несмотря на позднее время, в окнах горел свет.

– А мама твоя не спит, ждёт тебя! – наконец-то я выудил из себя одну фразу.

– Она всегда ждёт меня, – как-то равнодушно ответила Зоя.

– Давай, постоим в подъезде, – предложил я. – Тебе надо привести себя в надлежащий порядок!

Я видел её припухшие от слёз веки и оставшиеся от помады полосы на щеках. И еще я надеялся сорвать с её губ хоть один невинный поцелуй. От этой надежды у меня забило сильно сердце и участилось дыхание. Но Зоя не заметила моего волнения, тщательно вытирала глаза и щеки платком. Затем вытащила из сумочки расчёску, причесалась. Я исподтишка наблюдал за ней. До чего же красивая, зараза!

Зоя отряхнула свою одежду и строго взглянула на меня вдруг заблестевшими карими глазами.

– Посмотри, Толя, – всё в порядке?

– Высший класс! – оценил я её внешний вид.

Она взяла мою огромную ладонь в свою маленькую, миниатюрную, чувственную, с длинными, как у пианистки, пальцами и с признательностью легонько пожала её.

– Ты настоящий друг! – сказала она. – Я пойду, пожалуй. Прощай!

Ещё несколько секунд, и она уйдет. Она скроется за дверью, обитой коричневым дерматином, и мы с ней, может быть, уже никогда не встретимся. У нас просто не будет причины для этого. Но между нами должна же появиться хоть одна маленькая тайна, которая позволит продолжить отношения.

И для этого как нельзя лучше подходит поцелуй. Иного не дано. Скромный и застенчивый юноша, я всё-таки набрался мужества. И закрыв глаза, привлёк к себе Зою, пытаясь своими губами дотянуться до её губ. Но её распрямлённая ладонь стала непреодолимой границей между нами.

– Не надо, Толя! Только не сегодня.

И убрав руку, сама быстро, мимолётно коснулась моих губ и шустро побежала вверх по лестнице. «Цок-цок-цок!» – весело стучали её каблучки. Так весело, что будто и не было сердечной трагедии в доме Францевны. А может, тому причина – моя личность? – самонадеянно подумал я, запахивая куртку на груди.

И ещё подумал, выходя из подъезда в ночную тьму, что «только не сегодня» оставляет мне надежду. «Не сегодня» – это почти звучит как «да». «Не сегодня» означает, что, может быть, завтра или послезавтра.

Подняв голову, я взглянул на горящие окна на третьем этаже. Не мелькнет ли там силуэт Зои?

Нет, с чего бы она стала выглядывать в окно? Ведь она плакала из-за Мишки и любила Мишку, а не тебя, Анатолий Тепляков! Быстро же ты забыл об этом! И Зойкино «не сегодня», скорее всего, означает «никогда». Завтра она примирится с Мишкиной неуступчивостью, ради любви пожертвует идеей супружества, и они будут встречаться как прежде.

А что я нервничаю? – успокаивал я себя. Ничего не случилось. Я проводил человека, попавшего в беду, домой. Так поступил бы любой порядочный юноша. Только и всего. Надо смотреть на порядок вещей трезво. И воспринимать регалии жизни такими, как они есть.

А жаль... Антигона была так близка!

5

Эта была уже настоящая весна, и на гомельских клумбах зацвели белые нарциссы, вот-вот должны были выстрелить из бутонов грациозные тюльпаны. Студенчество, надышавшись весенним воздухом, ожило, засуетилось. Ещё ярче заблестели и без того сверкающие грёзами молодые глаза. В воздухе аудиторий медицинского училища плавали косяками флюиды любви. И был у этих флюидов удивительный запах, описать который вряд ли смог бы и гениальный поэт, не говоря уж о такой посредственности, как я. Но я всё равно писал стихи, потому что был молод и влюблён в неведомую свою Антигону, и никто на белом свете не мог запретить мне этого.

К торжеству весны и всеобщему ожиданию любви – этой огромной бочке мёда – добавилась маленькая ложка дёгтя: чувство голода. К весне скупее и прижимистой сделалась Францевна – её договорные завтраки и ужины были малокалорийны, а уж безвкусны до того, что коровье вымя действительно по сравнению с ними казалось бы деликатесом. Но есть что-то надо было, и мы с Мишей проглатывали эту отвратительную стряпню, запивая её горячим сладким чаем. На обеды из-за моей расточительности на книги и другие предметы первой необходимости у меня просто не было денег.

И вот вчера мне здорово подфартило. На почве любви к поэзии я познакомился с Костей Храпатым – студентом зубопротезного отделения, являвшимся, к тому же, ещё и профоргом медучилища. Неделю назад опубликовали, наконец, моё стихотворение в «Гомельской правде». Не ахти, какое событие, но всё же, дебют – и сразу в областной газете. В один день я из среднестатистической серой личности превратился в известного в студенческих кругах поэта.

Пока я ещё не получил дивидендов за это в виде любви какой-нибудь смазливой однокурсницы, но зато вчера после занятий на выходе из аудитории меня остановил профорг и без обиняков спросил:

– Ты Анатолий Тепляков?

– Я... – удивлённо ответил ему.

Что нужно было от меня профоргу? Общественных нагрузок я не любил и всячески избегал их. От них пользы, как от козла молока.

– Читал твоё стихотворение в «Гомельской правде». Местами – очень даже ничего! – с апломбом известного литературного критика весомо высказался Храпатый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.